

Суверен и суверенитет в рамках юридического децизионизма Карла Шмитта

Б. А. Антонов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация

Предпринимается попытка анализа понятий *суверен* и *суверенитет* в их ретроспективном и актуальном толковании. Ретроспективный анализ обоих понятий предполагает апелляцию к европейской средневековой истории (и в частности, к Священной Римской империи), рассмотренной с позиции юридического децизионизма К. Шмитта (1888–1985 гг.). Актуальное толкование сводится к необходимости переосмысления понятия *суверенитет* и проблематизации рассмотрения данного феномена с точки зрения его полноты. Целью статьи является анализ понятий *суверен* и *суверенитет* применительно к средневековой истории Первого рейха и обоснование актуальности данных понятий в рамках созданной Шмиттом теории децизионизма. Представлен краткий экскурс в историю борьбы за власть абсолютного суверена (на примере Первого рейха); проанализирована оценка понятий *суверен* и *суверенитет*, данная Шмиттом в рамках его теории децизионизма; исследованы причины переосмысления традиционного определения понятия *суверенитет* в свете сегодняшних политико-правовых дебатов.

Ключевые слова: суверен, суверенитет, Священная Римская империя, папа римский, папский интердикт, (юридический) децизионизм, чрезвычайное положение, решение о чрезвычайном положении.

Для цитирования: Антонов Б. А. Суверен и суверенитет в рамках юридического децизионизма Карла Шмитта // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 8–27. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_8. EDN: XJARWY

Original article
UDC 340.124
EDN: XJARWY
DOI: 10.35231/18136230_2024_4_8

Sovereign and Sovereignty Within the Framework of Carl Schmitt's Juridical Decisionism

Boris A. Antonov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

The author of the article attempts to analyze the concepts of *sovereign* and *sovereignty* in their retrospective and current interpretation. A retrospective analysis of both concepts involves an appeal to European medieval history (and in particular to the Holy Roman Empire), considered by the author from the position of legal decisionism of Carl Schmitt (1888–1985). The current interpretation comes down to the need to rethink the concept of *sovereignty* and problematize the consideration of this phenomenon from the point of view of its completeness. The purpose of the article is to analyze the concepts of *sovereign* and *sovereignty* in relation to the medieval history of the First Reich and to substantiate the relevance of these concepts within the framework of the theory of decisionism created by Schmitt. The article provides a brief excursion into the history of the struggle for the power of an absolute sovereign (using the example of the First Reich); the assessment of the concepts of *sovereign* and *sovereignty* given by Schmitt within the framework of his theory of decisionism is analyzed; The reasons for rethinking the traditional definition of *sovereignty* in the light of today's political and legal debates are explored.

Key words: sovereign, sovereignty, the Holy Roman Empire, Pope, papal interdict, (legal) decisionism, state of emergency, emergency decision.

For citation: Antonov, B. A. (2024) Suveren i suverenitet v ramkakh yuridicheskogo detsizionizma Karla Shmitta [Sovereign and Sovereignty Within the Framework of Carl Schmitt's Juridical Decisionism]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 8–27. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_4_8. EDN: XJARWY

Введение

В своих работах К. Шмитт неоднократно возвращался к понятию децизионизма¹ определяя его как политическое решение, обоснованное соответствующей властью – в лице суверена² или государства, а не законом. В обоих случаях децизионизм, по Шмитту, выступает в качестве мерила суверенности первого (суверена) и суверенитета второго (государства). Вопрос полноты суверенной власти в значительной степени проблематизируется при одновременном действии двух влиятельных ветвей власти, наделенных приблизительно равными правовыми полномочиями.

Такая ситуация сложилась в Священной Римской империи (Первом рейхе), где децизионизм светской (представленной императором) и религиозной (представленной папой) власти выражался в наделении каждого из ее представителей правом *принимать решение*. При этом власть императора, помимо его обязанности подчиняться церкви (в лице папы), была ограничена коллегией курфюрстов, изначально наделенных правом участия в выборах императора (даже если речь шла о его дезигнации (назначении)).

Вынужденное подчинение императора католической церкви, с одной стороны, и ограничение его власти имперской курией, с другой, ставили под вопрос *суверенность* первого и увеличивали *влиятельность* власти второй. Несмотря на стремление и императора, и папы вернуться к единству созданного богом универсума (которое удавалось сохранять до XI в.), их тандем в конце концов распался. Одна из причин – противоречия имперских решений по отношению к папским. В основе не пре-

¹ См. Шмитт К. О трех видах юридического мышления (1934).

² См. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете (1922), Римский католицизм и политическая форма (1923), Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum* (1950).

кращающейся в течение нескольких столетий борьбы между имперским и папским престолом лежало *решение* (желание) императора придать империи *мирское* содержание, и противоречащее этому *решение* (стремление) папы наполнить ее содержанием *теологическим* [5]. Такой тип децизионизма в его предельном выражении провоцировал папу на принятие решения об отлучении императора от церкви (с последующим лишением его христианской и юридической правосубъектности), которое (решение) было основано на римско-католической догме и считалось на основании этого непогрешимым. Что касается императора, то он был наделен правом принимать встречные решения по низложению папы (которые предполагали назначение императором нового главы Римско-католической церкви).

Краткий экскурс в историю борьбы за власть абсолютного суверена (на примере Первого рейха)

Понятие *суверена* и *суверенитета* появилось в позднем Средневековье (XVI в.), т. е. в то время, когда началось разложение Священной Римской империи. Причины столь «позднего» появления таких необходимых для описания власти терминов следует искать и в анналах истории самой империи, и в гетерономной системе сложных отношений европейских королевств, не вошедших в ее состав. Наиболее сложным был вопрос о том, кто именно – *император* или *папа римский* – был главным актором, обладавшим верховным правом вмешательства во внутреннюю политику политий (с правом влияния на их внешнюю политику): «Спор о примате власти между папством и светскими представителями определит дальнейшее развитие отношений между ними на протяжении целого ряда столетий, когда "священный союз" христианской церкви и империи будет суще-

ствовать в условиях непрерывного соперничества» [1, с. 3]. Но если предметом спора выступал «примат власти» между папой и императором, то целью борьбы для первого было завоевание верховенства в христианском мире, а целью второго – централизация светской власти и объединение под ее началом всех входящих в состав империи королевств. Другими словами, все попытки возвышения власти одного над властью другого представляли собой устремления двух суверенных персона обрести статус *абсолютного суверена*.

Выбор императора в качестве главного актора, обладавшего полномочиями суверена, должен был предполагать, с одной стороны, подчинение его власти всех королевств, входящих в состав империи, а с другой – подчинение его влиянию тех политий, которые находились вне имперских границ. Однако большинство монархий, не вошедших в состав Первого рейха (Польша, Франция, Англия, Шотландия, Скандинавия, южная часть Италии), «не признавали власти императора, а высказываемые порой императорами претензии на сюзеренитет над ними не подкреплялись реальными внешнеполитическими шагами» [4, с. 11–12]. Попытки папы использовать свой авторитет в духовных вопросах для оказания влияния на европейские королевства в большинстве своем также заканчивались неудачей.

Усиление власти папства произошло в XI в. с принятия ряда декретов на Латеранском соборе (1059), многие из которых способствовали отделению церковной власти (папы) от светского влияния (императора), но в конечном итоге привели к борьбе между императором и папой за инвеституру, в результате чего «встал вопрос о суверенитете ...: если император Запада претендовал на ту же степень суверенности, что и император Востока, то набирающее силу папство пыталось утвердить свою

гегемонию, возводя право на суверенитет непосредственно к Господу» [4, с. 14].

Начиная с середины XII в. борьба за власть между папой и императором проходила с переменным успехом, который нередко зависел от того, чьи интересы – папы или императора – поддерживали участвовавшие в этой борьбе политические силы.

Рубеж XII–XIII вв. был ознаменован почти вековой историей верховенства папской власти над светской: одно то, что полномочием коронации императора обладал только папа, свидетельствовало о подчиненном положении высшего представителя светской власти высшему представителю власти религиозной. К первой половине XVI в. власть папы заметно ослабевает, свидетельством чего становится возможность избрания кандидата на престол только коллегией курфюрстов, минуя коронацию императора папой. Усиление власти папы не привело к усилению власти императора, но и папа в конечном итоге утратил полномочия влиятельного актора, стоящего на верхней ступени иерархической лестницы Средневековья: «верхушка старого иерархического порядка, империя и церковь как мирская власть отступили на задний план и поблекли, а определенные сообщества, стоявшие в иерархии союзов на более низкой, чем империя, ступени, уплотнились...» [Цит. по: 6, с. 341]. Таким образом, то, что в приведенной цитате характеризуется как *отступление на задний план мирской власти в лице церкви и империи*, было спровоцировано появлением на политической арене Средневековья «определенных сообществ» в лице не-универсальных, не над-национальных и ограниченных (в отличие от империи) европейских королевств, которые, занимая более низкое политическое положение, чем империя, завладели имперскими полномочиями по принципу «король является императором в пределах

своих владений». Данное обстоятельство привело к тому, что в общественном сознании сформировался образ империи по отношению к тем образованиям, которые империями не являлись: «...этих полномочий¹ оказалось слишком много, чтобы перед ними могла устоять самостоятельность многообразных сообществ и властей. Король становится сувереном, и подданный оказывается в конечном счете один на один с сувереном, без социального посредничества, поруки и защиты» [5, с. 300].

Суверенитет сквозь призму децизионизма К. Шмитта и универсализма католической церкви

Свою, отличную от всех остальных, интерпретацию суверенитета предложил в своем трактате «О трех видах юридического мышления» немецкий философ права Карл Шмитт, определяя его сквозь призму полномочий *суверена*. В отличие от Мориса Ориу Шмитт отрицал возможность существования сильного государства в условиях *ограничения суверенитета правовой нормой*, доказывая, необходимость применения *экстраординарной* (а не абсолютной и / или легитимной) *власти* в условиях войны, кризиса или революции, когда в силу своей абстрактности, вневременности и внепространственности правовая норма «не работает», в связи с чем возникает необходимость введения чрезвычайного положения, единоличное решение о котором принимает *суверен*. Другими словами, Шмитт находит необходимым апеллировать к такому типу суверена, который предполагает обязательность применения *децизионистского мышления*. Таким сувереном в период Священной Римской империи становится папа, совершавший, в случае принятия исключительного решения о низложении императора,

¹ Имеются в виду те имперские полномочия, которые взяли на себя заведомо неимперские образования.

акт насилия, воспринимаемое как «чудо», ибо «исключительное по своей значимости всегда оказывалось много выше и качественнее нормального, тем самым часто приобретая даже значение и статус сакрального» [2, с. 12].

Наиболее убедительно идея папского децизионизма выражена в знаменитом «Диктате папы», некоторые параграфы которого гласят: «Никто не смеет отменить его решения, а он сам отменяет чьи угодно. Никто ему не судья» (§ 16–19); «Римская церковь никогда не заблуждалась, и впредь, по свидетельству писания, не будет заблуждаться» (§ 22); «Римский епископ, канонически поставленный, заслугами св. Петра непреложно получает святость» (§ 23) [Цит. по: 3, с. 85]. Эти и многие другие, выраженные в духе безапелляционных суждений сентенции «Диктата», сводят средневековую католическую доктрину к определению суверенной власти как власти *непосредственного подчинения Богу*: «А поскольку такую власть представлял только папский престол..., то обладателем неограниченного суверенитета являлся один папа» [3, с. 94].

Более того, вплоть до образования Второго рейха (1871) понятие *суверен*, будучи связанным с единоличным политическим решением главы государства или папы, являло собой лишь *символ* теологического (духовного) или светского единства немецкой нации, но никак не то реальное состояние, в котором нация на тот момент находилась.

Еще одной причиной выдвижения папы как суверена Шмитт считает *универсализм* (всеобщность) римско-католицизма, который был характерен сначала для Римской, а затем для Священной Римской империи и который всегда делал ставку «на конкретную личную репрезентацию конкретной личности»: «Что римско-католическая церковь как исторический комплекс и административный аппарат продолжает *универсализм*

Римской империи, – с этим примечательным образом согласны все стороны» [9, с. 62].

В отличие от империи во главе с императором, универсализм которых направлен на установление экономических (а впоследствии промышленных) ценностей, католическая церковь нацелена на ценности гуманитарного порядка ибо «в каждое мгновение изображает собой вочеловечение и крестную жертву Христа, лично ставшего в исторической действительности человеком Бога» [9, с. 75]. Весьма проблематичным в этих условиях оказалось построение единого децизионистского центра власти, артикулирующего такую политическую цель, которая бы в конечном итоге придала империи статус большого пространства, обладающего всей полнотой суверенитета. Допущение, которое делает Шмитт в «Римском католицизме», доказывает его готовность подтвердить потенциальную победу церковной власти над светской с последующей деполитизацией власти императора. И если бы эта победа была одержана, то «церковь осталась бы единственной носительницей политического мышления и политической формы; у нее была бы чудовищная монополия, а ее иерархия была бы ближе к политическому мировому господству, чем когда бы то ни было в Средневековье» [9, с. 80].

Проблема суверена применительно к Священной Римской империи с позиции К. Шмитта

Так насколько же полной был суверенитет папы при наличии действующей светской власти, и насколько суверенной была власть императора в условиях действия всех тех ограничений, которые налагала на него католическая церковь? И возможно ли считать, что государство обладает суверенитетом при наличии не одного (представленного императором), а двух центров власти,

второй из которых представлен папой? Боден, будучи первым, кто предложил свое определение суверенитета как «абсолютной непрерывной власти государства», ответил бы на все поставленные вопросы отрицательно. Постоянно испытывая влияние Римской католической церкви и необходимость реализации тех или иных условий, обязательств и обещаний перед князьями, курфюрстами и феодалами, император (король) воспринимал все эти условия, обязательства и обещания как *обязывающие к исполнению*. Но, комментируя эту мысль Бодена и в принципе разделяя ее, Шмитт обращает особое внимание на те условия, при которых властитель имеет право *игнорировать* обязывающую силу обещания, обязательства и даже закона. Таким условием и, по мнению Бодена, и, по мнению Шмитта, может считаться наличие *крайней необходимости* (Боден) или, другими словами, определенного случая, который впоследствии трактовался Шмиттом как чрезвычайное положение и при возникновении которого (повторим) властелин обретает право изменить или игнорировать закон (обещание) и принять самостоятельное решение, свободное от любого внешнего влияния. Только в таком случае он становится сувереном, власть – суверенной, а пространство его правления – государством (признаком которого до сих пор считается суверенитет). Последнее условие – наличие государства как пространства правления суверена – было впервые провозглашено Гоббсом в «Левиафане» и прокомментировано профессором Филипповым следующим образом: «...никакого народа, заключающего договор с сувереном, нет до тех пор, пока нет государства. Никакого государства нет, пока нет суверена» [5, с. 180].

Именно этим условием – условием наступления чрезвычайной ситуации – руководствуется децизионизм Шмитта, «разрешая» суверену принимать решения и используя

при этом «абсолютную непрерывную власть государства». Но в силу какого именно чрезвычайного положения император Священной Римской империи Генрих IV принимал решение о низложении папы Георга VII? И на основании какой именно «крайней необходимости» папа Георг VII отлучал от церкви Генриха IV? Оба вопроса по сути своей касаются критерия, в соответствии с которым император – или папа – были бы наделены компетенцией считать ситуацию (в соответствии с которой каждый из них имел полномочие принимать решение) чрезвычайной. Но апеллируя к истории Первого рейха, приходится, вслед за Шмиттом, признать, что оба вопроса остаются открытыми. «Быть сувереном означало иметь полномочия. В рамках неясных правовых отношения старого Германского Рейха ... из одного из многочисленных признаков (суверенитета – прим. Б. А.) делался вывод, что и другие сомнительные признаки также должны иметься в наличии. Разногласие всегда было в том, *в чьей компетенции должен быть случай, для которого не предусмотрена никакая компетенция*» [9, с. 22]. «Кто суверен?» аналогичен «кто компетентен?», но ни конкретный порядок (в лице императора и папы), ни тем более правопорядок (в связи с неясностью правовых отношений) не дают ответа на эти вопросы. Более того, по Шмитту, вопрос о суверенном решении, суверене и суверенитете отодвигается еще дальше в случае разделения компетенций и введения (государством) взаимного контроля «компетентных органов» друг за другом¹[9].

Возвращаясь к истории Священной Римской империи, скажем, что власть императора в светском мире должна была подчиняться власти папы, который, в свою очередь, был ограничен в своих полномочиях в мире христианском. Ограничения такого рода были основанием для

¹ Очевидно, что речь в данном случае идет об американской системе сдержек и противовесов.

недовольства обоих и находили выражение в борьбе за инвеституру, ярким примером которой была конфронтация между папой и императором, продолжавшаяся почти пятьдесят лет (1076–1124). С другой стороны, именно подобного рода конфронтация помогала империи преодолеть распад, ибо, как справедливо утверждал Боден, «при неограниченных полномочиях власть не суверенна, если не постоянна». Возможным в связи с этим становится предположение, согласно которому «обмен» суверенными решениями с их последующей реализацией и был одной из тех причин, которая объясняет «постоянство» Священной Римской империи на протяжении почти девяти веков¹. С другой стороны, конфликт между папством и престолом империи не мог не ослабить и верховную власть последнего, и империю в целом, в результате чего усилилась власть сообществ великих князей и аббатов².

Шмитт не усматривал ни в германском императоре, ни в коллегии курфюрстов новый (децизионистский) центр принятия решений, а значит ни коллегия (как коллективный орган власти), ни император (имеющий ограниченные властные полномочия), по мнению Шмитта, не могли рассчитывать на получение статуса суверена. Надежду на восстановление конкретного порядка Шмитт связывал с наличием в Первом рейхе *институционального* правового мышления, которое немецкий философ обозначил как *мышление в категориях конкретного порядка*.

При этом не следует забывать, что на фоне феодальной раздробленности и правового партикуля-

¹ Представление об империи как о единственной силе, которая была в состоянии сдержать приход Антихриста, было свойственно и императору, и папе: «Вера, что некая сдерживающая сила задерживает наступление конца света (kat-eschon), наводит тот единственный мостик, который ведет...к столь величественной исторической мощи, какая была присуща христианской императорской власти германских королей» [5, с. 35].

² Вормский конкордат (1122–1123) внес относительное равновесие и спокойствие в отношения папы и императора. Согласно его условиям, «избранные прелаты получали духовную инвеституру – возведение в сан (кольцо и посох) – от папы, а светскую – право на землевладение (скипетр). – от императора.

ризма юридическое мышление, согласно Шмитту, оставалось до определенного времени *единым*, став, однако, впоследствии (в XX в.) «жертвой» таких, якобы привнесенных римским правом правовых доктрин, как нормативизм и позитивизм. Пусть и чисто гипотетическая, но, тем не менее, вполне ясно выраженная в «Трех видах юридического мышления» мысль о необходимости возвращения в Германию средневекового единого институционально-правового мышления (в терминологии Шмитта – мышления в категориях конкретного порядка) есть не что иное как попытка немецкого философа заявить о необходимости распространения в Германии децизионизма, в рамках которого на верховного правителя возлагаются полномочия суверена.

**Соотношение понятий «император» – «папа»
применительно к Первому рейхе:
*potestas v. auctoritas***

Гармонию властных отношений раннего периода европейского Средневековья Шмитт объяснял разделением функций императора и папы, ибо *potestas* – императорская власть, которая предполагает навязывание, сочетается с властью папы (*auctoritas*), основанной «на удивительном соединении наипростейших комплексов и инстинктов»: «Папа по своему имени есть отец, а Церковь есть мать верующих и невеста Христова – удивительное соединение патриархального с матриархальным, которое способно сориентировать на Рим оба потока наипростейших комплексов и инстинктов, уважение к отцу и любовь к матери – разве бунт против матери возможен?» [9, с. 65].

Другими словами, если церковь апеллирует к психосоциальной природе человека, то политическая власть ос-

нована на рациональном мышлении: «В отличие от современного понимания, которое имеет дело с объективной материей и ее рациональностью, рациональность церкви имеет дело с человеком, с его социально-психологической природой» [9, с. 70]. Проще говоря, прагматика церковной установки – это апелляция к духовности и социальности человека, а прагматика императорской власти – это апелляция к рациональному человеку, к его *ratio*.

Однако противостояние между императором и папой, продолжавшееся в течение нескольких столетий, привело к смешению их функций, в результате чего уже в XIII в. общественное сознание было готово принять светскую и религиозную власть как две противостоящие друг другу силы. Источником противостояния стало использование императором – *auctoritas*, а папой – *potestas*: «Политическая механика имеет свои законы, и католицизм, подобно всякой иной исторической величине, втянутой в политику, охватывается этими законами» [9, с. 72].

В результате духовная власть церкви трансформировалась в ту власть, которая изначально могла быть прерогативой только власти императоров. Вместе с короной папа передает императору некую функцию, связанную не столько с политическим, сколько с духовным влиянием императора, которое тот обязан воспринять как «некое поручение, исходящее из совершенно иной сферы, нежели достоинство королевской власти» [7, с. 38–39].

«Старого суверенитета больше нет ...и не будет...»

Трактовка Шмиттом понятий *суверен* и *суверенитет* можно кратко охарактеризовать как право государства (или отдельного человека в статусе суверена) принимать решение, свободное от влияния любых внешних сил, включая силу закона. При этом не стоит забывать,

что в разные эпохи и в разных политико-правовых контекстах суверенитет далеко не всегда трактовался и описывался именно так: у Ж. Бодена он был *абсолютным*, у М. Ориу – *политическим и юридическим* (де-юре и де-факто), у О. А. Омельченко – *отчужденным*, у А. Эсмена – *внешним и внутренним*, у Н. И. Павлиенко – *объективным и субъективным*.

То, что обобщает, а заодно и примиряет большинство вышеназванных определений суверенитета, заключено в стремлении их авторов трактовать суверенитет как абсолютную, легитимную и независимую власть государства принимать любые политические решения и считать вмешательство в его внутренние дела посягательством на свою независимость, а значит и на свой суверенитет. Условием сохранения суверенитета государства в этом случае выступает единство его целей и интересов наравне с личной ответственностью суверена за реализацию этих целей и защиту этих интересов.

Ответ на вопрос о том, насколько уместно было бы апеллировать сегодня к такому определению суверенитета, скорее всего, был бы отрицательным. Так, профессор А. Ф. Филиппов утверждает, что в случае принятия традиционного определения суверенитета его сегодняшние сторонники рискуют инициировать и длить «научный дискурс», обмениваясь мнениями и аргументами, которые «имеют лишь относительную политическую ценность» [5, с. 174]. Относительность политической ценности подобной научной риторики возможно объяснить как минимум двумя факторами.

Первый имеет форму терминологического закона, который гласит: чем большее количество определений имеет тот или иной феномен, тем более «туманно» его содержательное наполнение. На первый взгляд, кажется, что в случае с суверенитетом мы имеем обратную

ситуацию: как бы он ни трактовался разными исследователями, суть его остается приблизительно одинаковой. На самом же деле бесчисленные научные споры о том, какой именно суверенитет выступает наиболее эффективной формой государственной власти (а точнее, каким должно быть наиболее успешное соотношение суверенитета внешнего и внутреннего, де-юре и де-факто, сильного де-юре и слабого де факто и т. д.) лишней раз доказывают флюктуацию его содержательного наполнения и снижает практическую ценность сегодняшних политико-правовых дебатов.

Второй фактор, в значительной степени объясняемый первым, связан с наступлением тех глобализационных процессов, которые привели к изменению самой сущностной природы понятия *суверенитет* и свели на нет все попытки использования одного – раз и навсегда законодательно зафиксированного – определения: «Старого суверенитета ...больше нет и не будет... само это понятие стало архаичным в современном мире. Делать ставку на укрепление суверенитета государства в эпоху глобальных взаимозависимостей просто нелепо» Те случаи, когда политические действия власти, опирающейся на традиционную концепцию суверенитета, оцениваются нацией и международным сообществом как успешные, Филиппов характеризует не как повод для возвращения к его традиционному определению и сохранению, но как лишнее доказательство того, что суверенитет – это «сложное, слоистое устройство социальной жизни, в которой прошлое не исчезает в одночасье, но длит и длит свое существование ...» [5, с. 174–175].

Исследуя феномен суверенной власти, профессор А. Ф. Филиппов рассматривает в качестве критерия ее измерения *(не)полноту*. Суверенитет оценивается как *полный* в случае, если государство обладает *суверенной*

компетенцией, т. е. способностью самостоятельно¹ принимать важные политические решения, и как *неполный*, если источником таких решений становятся другие страны. Если страна недостаточно самостоятельна при принятии важных политических решений, но при этом в ней сохраняется благоприятная политическая и экономическая обстановка, оценка ее суверенитета как симптома неблагополучия опротестовывается или просто игнорируется ее политиками и государственными деятелями. При этом результатом неполного суверенитета часто становится так называемое «внешнее управление», негативные последствия которого могут быть обнаружены не сразу: «...уходя от проблемы в период благополучия, можно тем самым дать ход вызревающим сомнениям, когда что-то не заладится» [8, с. 174].

Заключение

Что же стоит сегодня за такими понятиями, как *суверенитет*, *суверенное государство* и / или *суверен*? А главное, можно ли сегодня апеллировать к ставшей уже классической боденовской трактовке суверенитета как «абсолютной непрерывной республиканской власти государства» или пора начать повсеместно пользоваться формулой Шмитта «*Суверен – это тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении*», не учитывая при этом политико-правового контекста того или иного современного государства? Очевидно, что все эти понятия нуждаются в переосмыслении даже в том случае, если их сегодняшнее содержательное наполнение частично совпадает с традиционными определениями, которые

¹ Самостоятельность принятия государственных решений предполагает соотнесение действий государства с собственным целеполаганием без участия в данном процессе внешних сил. Понятие *суверенная компетенция* не следует путать с термином *компетенция компетенций*, которое было предложено М. Ориу для определения суверенитета. Раскрывая юридический смысл суверенитета, Ориу трактовал его как возможность верховной власти определять компетенции органов и должностных лиц, называя такую возможность компетенцией компетенций.

были даны когда-то Боденом, Гоббсом, Шмиттом или Ориу. Недальновидно было бы полностью отказываться от традиционного определения, памятуя о том, что «видимость сохранения старого суверенитета имеет объективный характер: это не оптический обман, а сложное, слоистое устройство социальной жизни, в которой отжившее не исчезает в одночасье, но длит и длит свое существование ...» [5, с. 175]. Слоистость суверенитета может также подразумевать его неравное распределение и неравноправное пользование им среди всех членов мирового сообщества. По Шмитту, «величина» суверенитета в стране зависит *не от размера* занимаемого ею пространства, а *от степени* ее влияния на политические, экономические, социальные и культурные сферы находящиеся за ее пределами государств: «Нельзя представлять себе дело так, будто все пространство Земли поделено между равноправными, территориально хорошо отграниченными друг от друга государствами. На самом деле есть государства, которые лишь по видимости являются таковыми и не могут удержать свой суверенитет над территориями, есть великие державы и есть межгосударственные территории, которые, на первый взгляд, подпадают под юрисдикцию общего для всех международного права, но фактически регулируются в свою пользу. Империи, рейхи – это как раз такие мировые силы, и разговор идет о том, как распространяется их влияние на сферы, далеко выходящие за границы политических единств. У этого аргумента есть философская составляющая, которую мы и пытаемся реконструировать» [6, с. 308].

Суверен как *персонифицированная государственная власть* представляет собой не менее «сложное, слоистое» образование, которое, как и суверенитет, зародилось и развивалось в европейском Средневековье. Характерной чертой того времени и той империи, которую пред-

ставлял собой Первый рейх, было разделение верховной власти между монархом, курфюрстами и папой римским. Следствием такого разделения было ограничение императорской власти властью церковной. Вопрос о том, можно ли в данном случае говорить об императоре как о суверене или наоборот – речь идет об отсутствии у него суверенной власти – остается открытым. Ясно лишь то, что *«средневековое мышление ... являлось вполне конкретным мышлением о порядке ...»* [8, с. 311] и что эта, ставшая уже классической сентенция Шмитта полагает средневековое конкретное мышление как представление об империи, основанной богом, в которой существует *два не противоречащих друг другу порядка существования людей – государство и церковь...*

Список литературы

1. Бондаренко Ю. В. Церковь в политической истории Западной Европы в период борьбы за инвеституру // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. – № 2. С. 1–6.
2. Исаев И. А. Политическое завещание великого инквизитора (три очерка о суверенности) // Les Russica. – 2015. – Т. 4. – С. 7–18.
3. Колесницкий Н. Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность. – М.: «Наука», 1977. – 199 с.
4. Куприянов А. В. "Вестфальский миф" и "вестфальский" суверенитет. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. С. 11–23.
5. Филиппов А. Ф. Суверенитет как политический выбор // Суверенитет. – М.: Европа, 2006. – С. 173–190.
6. Филиппов А. Ф. Техника диктатуры: к логике политической социологии (2009) // Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. – СПб: Владимир Даль, 2015. – Т. 2. – С. 317–369.
7. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 670 с.
8. Шмитт К. О трех видах юридического мышления. – М.: Территория будущего, 2013. – 444 с.
9. Шмитт К. Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – 568 с.

References

1. Bondarenko, Y. V. (2016) *Cerkov` v politicheskoy istorii Zapadnoj Evropy` v period bor`by` za investiture* [Church in the political history of the Western Europe in its struggle for investiture]. *Vestnik of UYI MVD Rossii – Bulletin of the Ufa Law Institute, Ministry of the Interior, Russia*. No. 2. Pp. 1–6. (In Russian).

2. Isaev, I. A. (2015) Politicheskoe zaveshhanie velikogo inkvizitora (tri ocherka o suverennosti) [The political testament of the Grand Inquisitor]. *Les Russica*. Vol. 4. Pp. 7–18. (In Russian).

3. Kolesnickij, N. F. (1977) «Svyashchennaya Rimskaya imperiya»: prityazaniya i dejstvitel'nost' ["Holy Roman Empire": claims and reality]. Moscow: Nauka. (In Russian).

4. Kupriyanov, A. V. (2019) "Vestfal`skij mif" i "vestfal`skij" suverenitet. Analiz i prognoz [The "Westphalian myth" and "Westphalian" sovereignty. Analysis and forecast]. *Zhurnal IME`MO RAN – The Journal of IME`MO RAS*. No. 4. Pp. 11–23. (In Russian).

5. Filippov, A. F. (2006) Suverenitet kak politicheskij vy`bor [Sovereignty as the political choice]. *Sovereignty*. Moscow: Evropa (In Russian).

6. Filippov, A. F. (2015) Tekhnika diktatury`: k logike politicheskoy sociologii [The technique of dictatorship: to the logics of political sociology]. *Sociologia: nablyudeniya, opy`ty`, perspektivy` – Sociologia: observations, experiences, perspectives*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. 2. Pp. 317–369 (In Russian).

7. Shmitt, K. (2008) *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomos of the Earth in the law of nations]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' (In Russian).

8. Shmitt, K. (2013) *O trekh vidah yuridicheskogo myshleniya* [About three types of legal thinking]. Gosudarstvo: pravo i politika. Moscow: Territoriya budushchego (In Russian).

9. Shmitt, K. (2016) *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. Moscow: Nauka (In Russian).

Об авторе

Антонов Борис Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8233-9520, e-mail: heidel@rambler.ru

About the author

Boris A. Antonov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-8233-9520, e-mail: heidel@rambler.ru

Поступила в редакцию: 09.10.2024
Принята к публикации: 11.11.2024
Опубликована: 24.12.2024

Received: 09 October 2024
Accepted: 11 November 2024
Published: 24 December 2024